

№
1168
229

учное Міросозерцаніе.

2393

№ 3.

Л. Аксельродъ (Ортодоксъ).

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ
И
СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

К. Киселевскій

Издательство

Маріи Малыхъ.

Цѣна 4 коп.

Левъ Толстой и соціалъдемократія.

Двадцать восьмого августа*) читающая Россія праздновала 75-лѣтній юбилей Льва Николаевича Толстого. Наша грубая, жестокая дѣйствительность, вырывшая не одному русскому талантливому писателю преждевременную могилу, не изобилуетъ такими лирическими моментами. Съ тѣмъ большимъ торжествомъ мы можемъ отмѣтить такое выдающееся, почти небывалое у насъ событіе, какъ 75-лѣтній юбилей знаменитаго русскаго поэта. Какъ бы не отличались другъ отъ друга направленія и идеалы въ различныхъ слояхъ современнаго нашего общества, всѣ согласятся, безъ всякаго сомнѣнія, въ томъ, что геніальный беллетристъ внесъ огромный вкладъ въ русскую и всемірную литературу своими произведеніями истинно-художественными по формѣ и глубокими по содержанію. Одаренный необычайной силой проницательности, несравненный знатокъ че-

---

*) Статья эта была напечатана въ 1904 году.

ловѣческой души и великій мастеръ въ изображеніи, какъ типичнаго, такъ и индивидуальнаго, Левъ Николаевичъ Толстой, какъ настоящій талантъ, сумѣлъ, оставаясь на почвѣ конкретной окружающей дѣйствительности, воплотить въ свои произведенія и тѣ общіе, типичные элементы мысли и чувства, которые въ той или иной степени, въ той или иной формѣ, присущи культурному человѣчеству на протяженіи долгихъ историческихъ періодовъ.

Эта гениальная способность находить общее въ частномъ и частное въ общемъ обезпечила великому русскому художнику выдающееся мѣсто во всемірной литературѣ и неизмѣнный захватывающій интересъ къ его произведеніямъ. Во всякомъ возрастѣ, на всякой ступени своего духовнаго развитія и житейскаго опыта, читатель найдетъ въ художественныхъ твореніяхъ Л. Н. Толстого нѣчто новое, оригинальное и весьма поучительное. Гете сказалъ о поэтѣ классической древности: «Когда я теперь читаю Гомера, то онъ кажется мнѣ инымъ, чѣмъ казался десять лѣтъ тому назадъ; и еслибы жизнь наша продолжалась 300 лѣтъ, то онъ бы всегда продолжалъ выступать передъ нами въ новомъ свѣтѣ». Думаемъ, что эти слова творца Фауста также примѣнимы къ грандіозной эпопеѣ «Война и миръ».

Сказаннаго достаточно для того, чтобы понять, почему русская социальдемократія, представительница того класса, который проникнуть глубокимъ внутреннимъ стремленіемъ къ истинно духовной культурѣ человѣчества, всецѣло раздѣляетъ общее торжество юбилея. Но понимая все то важное прогрессивное значеніе, какое имѣетъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ, социальдемократія помнить и ни на минуту не должна забывать, что Толстой, какъ проповѣдникъ, моралистъ, является самымъ рѣзкимъ и вполне сознательнымъ противникомъ социалистическаго движенія.

Социальдемократія имѣетъ, какъ извѣстно, своимъ стремленіемъ развитіе классоваго сознанія пролетаріата. Великая цѣль социализма можетъ быть достигнута только путемъ роста и развитія у рабочаго класса сознанія коренныхъ противорѣчій нынѣшняго общества. Сознаніе непримиримаго антагонизма интересовъ привилегированнаго, эксплуатирующаго меньшинства съ интересами угнетеннаго, эксплуатируемаго большинства является той *активной* внутренней исторической силой, которая должна положить конецъ существующему порядку вещей.

Діаметрально противоположнымъ содержаніемъ отличается нравственное ученіе Л. Н.

Толстого. Исходя изъ аскетически-христіанскаго міросозерцанія, Л. Н. Толстой осуждаетъ по существу стремленіе современнаго революціоннаго пролетаріата къ матеріальному экономическому равенству. Принципіально, не придавая никакого значенія матеріальной жизни, это ученіе совершенно игнорируетъ существующее экономическое неравенство. Нравственная проповѣдь любви и мира направляется поэтому у Л. Н. Толстого ко всѣмъ безразлично классамъ современнаго общества, и если она даетъ добрый совѣтъ буржуа *любить* рабочаго, то она, съ другой стороны, учитъ рабочаго *покорно повиноваться буржуазіи и терпѣть* зло и насиліе безъ сопротивленія, ибо, какъ говорится въ евангеліи Толстого «заставятъ тебя сработать на себя одну работу, сработай двѣ, а кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще иди съ нимъ два». Фактъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ не ведетъ къ живому активному протесту, не внушаетъ возмущенія, не требуетъ борьбы, а, наоборотъ, долженъ съ христіанской точки зрѣнія вызвать чувство полнаго, безусловнаго смиренія. Ясно, такимъ образомъ, что добровольное подчиненіе эксплуататорамъ и всякаго рода угнетателямъ возводится здѣсь въ высшій, вѣчный моральный принципъ. Вслѣдствіе этого вся толстов-

ская нравственная проповѣдь проникнута *идеей примиренія классовъ* и, подобно всѣмъ метафизическимъ, нравственнымъ теоріямъ современныхъ защитниковъ буржуазнаго общества, служить къ затемнѣнію классоваго самосознанія борющагося пролетаріата. Сущность и смыслъ этого ученія превосходно поняла западноевропейская буржуазія, у которой такъ называемое философское ученіе Толстого пользуется огромнымъ уваженіемъ и нерѣдко ставится въ примѣръ «грубымъ» матеріалистамъ, социальдемократамъ.

Правда, что Толстой показываетъ намъ со свойственной ему глубиной и ясностью страшную картину вырожденія высшаго, привилегированнаго общества, беспощадно бичуя праздный, безнравственный образъ жизни господствующихъ классовъ. Благодаря своей колоссальной проницательности и тонкой, самостоятельной наблюдательности, нашъ геніальный писатель открываетъ такія стороны современнаго общества, какихъ не замѣчаетъ обыкновенный глазъ обыкновеннаго человѣка. Но какой бы рѣзкостью ни отличалась эта критика, она остается совершенно безплодной, потому что она вездѣ и повсюду приурочивается мистикомъ-христіаниномъ къ аскетическимъ цѣлямъ. Критика общественныхъ отно-

шеній дѣйствительна, плодотворна и революціонна только въ томъ случаѣ, когда она, отмѣчая отжившія, негодныя общественныя формы, указываетъ на тѣ здоровыя растущія силы, изъ которыхъ должно сложиться и развиться лучшее будущее и на которыя долженъ опираться общественный дѣятель, задавшійся цѣлью работать въ этомъ направленіи. Критика же Толстого исходить изъ аскетическаго начала; она отрицаетъ всю современную культуру безъ остатка. И отрицая *все*, Толстой этимъ самымъ оставляетъ все нетронутымъ, рекомендуя лишь абсолютное равнодушіе къ земной жизни, такъ какъ въ ней все суета суетъ. Блестящимъ подтвержденіемъ бесплодности этой критики можетъ служить хотя-бы «Воскресенье». Въ этомъ, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательномъ произведеніи художникъ рисуетъ намъ поистинѣ ужасающую картину современной русской жизни. Мастерски воспроизведенная жестокая и безсердечная дѣйствительность должна возбудить глубокое чувство протеста и непреодолимое стремленіе къ борьбѣ за лучшее будущее. Герой этой эпопеи, — Нехлюдовъ, поставленъ поэтомъ въ центрѣ всей изображаемой дѣйствительности. Какъ богатый человѣкъ привилегированнаго сословія, онъ пользуется всѣми благами культуры и плодами

тяжелаго, непомѣрнаго и принудительнаго труда рабочей массы. Его дорогостоящее существованіе, его бурныя наслажденія куплены самыми глубокими и самыми разнообразными страданіями своихъ «сестеръ» и «братьевъ». Но, пройдя значительное разстояніе своего жизненнаго пути, уставши отъ праздности, излишества и пересыщенія, Нехлюдовъ воскресаетъ, наконецъ, и празднуетъ свое «полное» нравственное возрожденіе. И что же намѣренъ дѣлать воскресшій Нехлюдовъ? Возникаетъ ли у него желаніе бороться противъ существующаго зла и общественной несправедливости? Ничуть не бывало. Послѣ всего того, что онъ видѣлъ, пережилъ и перестрадалъ, ему становится яснымъ истинный смыслъ... евангелія, въ которое онъ погружается всецѣло. Онъ понялъ, наконецъ, что дѣйствительное земное существованіе ничего не стоитъ, что оно — полная иллюзія, и что настоящая, разумная жизнь состоитъ въ единеніи съ богомъ, которое достигается лишь въ тотъ моментъ, когда человекъ уходитъ отъ общества и начинаетъ относиться презрительно къ матеріальному бытію.

И, понявъ эту великую нравственную евангельскую истину, Нехлюдовъ перестаетъ думать о томъ, чтобы отдать землю крестьянамъ. Крестьяне, какъ и онъ самъ воскресшій и

живущій теперь въ богѣ Нехлюдовъ, не нуждаются въ грѣшной матеріи. Единеніе съ богомъ и нравственное воскресеніе кончается, такимъ образомъ, тѣмъ благополучнымъ результатомъ, что грѣшная матерія остается попрежнему собственностью Нехлюдова, обезпечивая ему возможность спокойно созерцать свое собственное, утомленное «я» и наслаждаться своимъ божественнымъ презрѣніемъ къ своему прежнему образу жизни.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что вся quasi-революціонная критика Толстого кончается неизмѣнно тѣмъ, что слѣдуетъ отказаться отъ культурныхъ потребностей, не бороться за матеріальное земное благо, любить другъ друга при всѣхъ условіяхъ и подставлять лѣвую щеку тому, кто тебя ударитъ въ правую—и тогда настанетъ царство божіе... *внутри насъ.*

Однимъ словомъ, Толстой, подобно всѣмъ мистикамъ-моралистамъ, возвелъ въ *вѣчный нравственный законъ существующій теперь на долѣ аскетическій образъ жизни унетенныхъ рабочихъ массъ.* А такой высшій, нравственный законъ весьма пріятенъ и весьма выгоденъ привилегированнымъ классамъ.

Въ тѣ рѣдкіе моменты, когда Толстой оставляетъ свою религіозную, идеалистиче-

скую точку зрѣнія и касается какого-нибудь конкретного вопроса, онъ является самымъ умѣреннымъ либераломъ, а чаще всего консерваторомъ. Нападая, напримѣръ, на частную собственность, Толстой нигдѣ не говоритъ, что она должна быть отменена. Какъ только проповѣдникъ приближается къ этому проклятому, непріятному вопросу, онъ сейчасъ оставляетъ свой ясный реалистическій языкъ и ведетъ обыкновенно такую рѣчь: «Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и пить, ни для тѣла вашего, во что одѣваться; душа не больше ли пищи и тѣло — одежды. Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ» и. т. д. и т. д. Вся критика частной собственности сводится въ конечномъ счетѣ къ тому, что богатымъ вмѣняется въ нравственную обязанность накормить и одѣть нищего ближняго. Словомъ, когда Толстой касается вопроса о частной собственности, онъ развиваетъ на разные лады *филантропическую* заповѣдь евангелія, которая не только не возстаётъ противъ частной собственности, а, напротивъ, санкціонируетъ этотъ институтъ, какъ вѣчную общественную категорію.

Многіе придерживаются того убѣжденія, что критика существующаго общественнаго

порядка можетъ, вопреки исходной точкѣ и окончательному выводу, оказывать революціонное вліяніе на умы. Это, по нашему мнѣнію, большое заблужденіе. Всякое міросозерцаніе, какъ бы оно ни было реакціонно, можетъ содержать и часто содержитъ вѣрные критическіе взгляды, сила и яркость которыхъ обусловливается степенью талантливости и проницательности представителя этого міросозерцанія. Какой-нибудь романтикъ, идеализирующій мрачное средневѣковье, сойдется съ социалистомъ въ *критикѣ* нѣкоторыхъ сторонъ капиталистическаго порядка вещей.

Дѣло, слѣдовательно, не въ одной критикѣ, а именно въ исходныхъ положеніяхъ и окончательныхъ выводахъ. Революціонеръ подвергаетъ критикѣ данный общественный строй для того, чтобы его ниспровергнуть и идти впередъ; реакціонеръ подвергаетъ его той же критикѣ съ цѣлью повернуть колесо исторіи назадъ.

И когда критика реакціонера становится очень смѣлой и очень рѣзкой, то это доказываетъ только то, что общественныя отношенія достигли такой серьезной степени разложенія, что обратили на себя вниманіе даже тѣхъ, кто вовсе не склоненъ къ революціонному способу мышленія. Само собою разумѣется,

что соціалдемократія обязана пользоваться критикой современнаго общественнаго строя, изъ какого бы лагеря эта критика ни исходила, но соціалдемократическое ученіе, выражая въ своемъ міросозерцаніи *всю революціонную стремленія* нашей эпохи, должно въ своемъ анализѣ и оцѣнкѣ другихъ общественныхъ теченій сосредоточивать свое вниманіе на ихъ главномъ, существенномъ содержаніи и судить о нихъ не по тѣмъ или другимъ *частнымъ* взглядамъ, а на основаніи ихъ *метода, общаго* направленія и *конечныхъ выводовъ*.

Какъ великій художникъ, Толстой не можетъ не замѣтить процесса паденія капиталистическаго общества и побѣдоноснаго шествія революціоннаго пролетаріата. И чѣмъ яснѣе и отчетливѣе онъ видитъ это, тѣмъ рѣзче и ярче становится его критика современныхъ общественныхъ отношеній; но за то, съ другой стороны, тѣмъ больше усиливается его антиреволюціонная проповѣдь всеобщей любви и непротивленія злу насиліемъ.

Что Л. Н. Толстой является сознательнымъ противникомъ соціализма, это онъ ясно обнаружилъ въ своихъ послѣднихъ брошюрахъ, непосредственно направленныхъ противъ соціалистическаго движенія. «Рабство нашего времени» посвящено по существу

критикъ или, точнѣе, отрицанію социализма. Въ «Обращеніи къ рабочему народу» социализмъ признается безнравственнымъ ученіемъ на основаніи такихъ разсужденій: «Не согласна съ правиломъ, пишетъ тамъ Толстой, о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали и вся социалистическая дѣятельность (раньше шла рѣчь о безнравственности революціи). Она не согласна съ этимъ правиломъ, во-первыхъ, потому, что, ставя въ свою основу *классовую борьбу, вызываетъ въ рабочихъ къ хозяевамъ* и вообще къ нерабочимъ такія враждебныя чувства, которыя со стороны хозяевъ никакъ не могутъ быть желательны для рабочихъ. Не согласна съ этимъ правиломъ еще и потому, что при стачкахъ рабочіе очень часто, для успѣха своего дѣла, бываютъ приведены къ необходимости употреблять насилие противъ тѣхъ рабочихъ, своихъ или чужихъ народностей, которые хотятъ заступитъ ихъ мѣсто*). Обращаясь къ политическимъ дѣятелямъ, Толстой говоритъ, что причины всѣхъ современныхъ бѣдствій суть: «отрицаніе всякой религіи и направленіе дѣятельности народа на служеніе правительству, революціи и социализму» **). Служеніе рево-

*) Стр. 26. Изд. «Свободнаго слова».

**) «Къ политическимъ дѣятелямъ», стр. 25.

люціи и соціализму ставится, какъ видить читатель, на одну доску со служеніемъ правительству и разсматривается, какъ одно изъ бѣдствій современной дѣйствительности.

Спрашивается, какая польза революціи и соціализму отъ толстовской критики правительства и современныхъ общественныхъ отношеній, когда тотъ же Толстой такъ же отрицаетъ революцію и соціализмъ? Развѣ не очевидно, что Толстой борется противъ одного заблужденія съ помощью другого и зачеркиваетъ, такимъ образомъ, лѣвой рукой все то, что имъ написано правой? Далѣе, въ этой же брошюрѣ авторъ, выражая свое сожалѣніе по поводу того, что политическіе дѣятели растрачиваютъ свои силы непроизводительно, пишетъ: «Сколько тратится молодыхъ, горячихъ силъ на попытки революціи, на *невозможную борьбу съ государствомъ* *); сколько тратится на *соціалистическія неосуществимыя мечтанія* **). Итакъ, борьба противъ совре-

---

*) Курсивъ нашъ.

**) Теперь Толстой высказался противъ Государственной Думы. Это понятно. Толстой—анархистъ и, слѣдовательно, противникъ всякой политической дѣятельности. Съ метафизической, отвлеченной точки зрѣнія анархизма, не существуетъ разницы между одной и другой формой государственной организаціи. По мнѣнію анархиста, монархическій образъ правленія, конституціонный и республиканскій не различаются по своему существу, такъ какъ каждому изъ нихъ присуща власть. Внутреннее

меннаго государства невозможна, а социализм объявляется неосуществимой мечтой! Это чрезвычайно характерно для утописта Толстого.

Толстой, который считает возможным уничтоженіе современнаго государства путемъ личнаго отказа отъ военной службы; который вѣрить, что человѣчество откажется совреме-

---

конкретное содержаніе власти, ея мѣра и степень не интересуютъ метафизика-анархиста, не принимающаго во вниманіе живую, развивающуюся дѣйствительность и имѣющаго дѣло только съ пустыми, неподвижными, отвлеченными понятіями. Толстой не разъ говорилъ, что монархическая форма правленія тождественна въ своей основѣ съ республиканской. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что Толстой относится отрицательно ко всѣмъ *формамъ и стадіямъ* происходящей русской революціи. Словомъ, равнодушіе или отрицательное отношеніе къ Государственной Думѣ со стороны христіанскаго анархиста Толстого вполне объяснимо и съ его точки зрѣнія вполне послѣдовательно. Но что же скажутъ наши товарищи-большевики по поводу совпаденія ихъ взглядовъ на Государственную Думу со взглядами на нее проповѣдника непротивленія злу насиліемъ? Это, право же, непріятный сюрпризъ. Само собой разумѣется, что совпаденіе взглядовъ на тотъ или иной отдѣльный предметъ еще ровно ничего не доказываетъ, но дѣло именно въ томъ, что это совпаденіе не случайнаго характера. Сознательный метафизикъ Толстой оказался по данному важному вопросу солидарнымъ съ *безсознательнымъ* метафизикомъ Ленинымъ по той причинѣ, что и тотъ и другой смотрятъ на окружающую дѣйствительность не съ точки зрѣнія ея внутренняго необходимаго развитія, а съ точки зрѣнія готовой, заранѣе определенной схемы. На внутреннее сходство между методомъ мышленія Толстого и *способомъ разсужденій* большевиковъ, указываетъ Г. В. Плехановъ въ своемъ IV письмѣ «О тактикѣ и безтактности».

немъ отъ культуры, уничтожить технику и станетъ жить аскетическою жизнью (царство божіе внутри насъ), который допускаетъ возможность прекращенія половой любви,—смотреть на социализмъ, какъ на неосуществимую мечту. Это прямо напоминаетъ того юношу изъ евангелія, который строго соблюдалъ всѣ десять заповѣдей, но «отошелъ съ печалью», когда Іисусъ ему посовѣтовалъ для полного нравственного совершенства раздать свое имущество. Іисусъ, какъ извѣстно, тутъ же сдѣлалъ тотъ, можно сказать, марксистскій выводъ, что удобнѣе верблюда пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ царство небесное.

Въ виду всего вышесказаннаго, мы чрезвычайно удивились содержанію прокламаціи Пермскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П., выпущенной по случаю юбилея Л. Н. Толстого. Прокламація нашихъ пермскихъ товарищей начинается такими словами: «Это, въ сущности, случайное обстоятельство (юбилей) мы, русскіе социальдемократы, ставимъ въ связь съ великою задачей нашего времени—борьбой за политическую свободу».

Читая эти строки, мы невольно задали себѣ вопросъ: да что же общаго между неуклонной антиреволюціонной проповѣдью не-

противленія злу насиліемъ и той энергической, наступательной борьбой, которая ведется русскимъ рабочимъ классомъ за освобожденіе нашей родины отъ невыносимаго гнета деспотическаго правительства? Правда, что имя Толстого часто служило въ послѣднее время поводомъ къ политическимъ разговорамъ. Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ только о политическомъ развитіи русскаго общества, съ одной стороны, и о недостаточности этого развитія—съ другой. Накопившееся недовольство и глубокое возмущеніе азіатскимъ режимомъ достигли такихъ широкихъ размѣровъ, что выносливый русскій обыватель заговорилъ наконецъ о политикѣ. Но тотъ же обыватель еще до такой степени наивенъ въ оцѣнкѣ и пониманіи общественныхъ теченій, что судить о каждомъ изъ нихъ не на основаніи всей системы взглядовъ даннаго направленія, а на основаніи отдѣльныхъ рѣзкихъ словъ и яркихъ фразъ, которыя представляются его примитивному, только что проснувшемуся политическому сознанію революціонными мыслями. Вотъ почему антиреволюціонная проповѣдь Толстого кажется многимъ революціонной.

Затѣмъ, указывается въ той же прокламаціи, какъ на заслугу Толстого, что онъ призываетъ «къ нравственному общенію съ

богомъ». Это ужъ совсѣмъ плохо сказано. Намъ, напримѣръ, думается, что социальдемократія, сущность которой состоитъ въ содѣйствіи всестороннему развитію сознанія рабочаго класса, должна обращаться къ нему съ ясными, научными понятіями. Что же касается такой комбинаціи, какъ «нравственное общеніе съ богомъ», то хотя о ней разсуждали всѣ мистики, начиная съ Платона и кончая Л. Н. Толстымъ, это понятіе не приобрѣло ни на одну іоту ясности. И не выясняется оно по той простой причинѣ, что мистики начинаютъ проповѣдывать нравственное общеніе съ богомъ въ тотъ моментъ, когда перестаютъ вѣрить въ законы логики и здравый человѣческій разумъ. Кромѣ, того, намъ кажется, что социальдемократіи вообще не слѣдовало бы призывать имя бога всуе, т. е. *не опровергая его существованія*. Мнимое существованіе властителя небесъ еще никогда не приносило пользы рабочему народу, а, напротивъ того, всегда служило сильнымъ орудіемъ въ рукахъ господствующихъ классовъ для большаго угнетенія неимущихъ и эксплуатируемыхъ массъ. И Марксъ мыслилъ, конечно, какъ революціонеръ, когда усматривалъ въ критикѣ религіи вѣрный признакъ критики отжившихъ общественныхъ отношеній.

Въ прокламаціи нашихъ пермскихъ товарищей говорится также о томъ, что Л. Н. Толстой указалъ на народъ, какъ на единственный слой, отъ котораго мы должны ждать спасенія. «Великій человѣкъ, — читаемъ мы въ этой прокламаціи, — самъ узналъ выходъ. Въ народъ надо искать спасенія — здѣсь скорѣе поймутъ призывъ къ борьбѣ».

Нѣтъ, наши пермскіе товарищи глубоко ошибаются, придавая революціонное значеніе толстовскому обращенію къ народу. Что Толстой указываетъ на народъ, какъ на общественный слой, въ которомъ слѣдуетъ искать выхода—это справедливо, но вопросъ въ томъ, какой выходъ и какія стороны народной жизни являются спасительными съ точки зрѣнія Л. Н. Толстого. Можно указывать на народъ, какъ на единственную спасительную силу и не только не быть защитникомъ интересовъ и правъ народа, а, наоборотъ, являться его злѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ. Славянофилы, напримѣръ, тоже возлагали всѣ свои надежды на русскій народъ, твердо вѣря въ то, что только онъ способенъ и призванъ избавить Россію отъ гнилой западной цивилизаціи и вернуть чуть ли не все человѣчество въ лоно истинной религіи. Ихъ привлекали въ народъ мистическіе элементы, порожденные

тѣмъ невѣжествомъ, въ которомъ русское правительство старается держать народъ, тоже ожидая отъ него поддержки и спасенія.

Подобно славянофиламъ, Толстой цѣнитъ въ народѣ не его способность къ *борьбѣ* и стремленіе къ свѣту, а его темную, невѣжественную вѣру, тупое терпѣніе и непомѣрный трудъ, которые должны спасти истинную христіанскую религію. Блестящимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ этого могутъ служить всѣ крестьянскіе положительные типы, выведенные Толстымъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Пилигримъ Гриша, Платонъ Каратаевъ и Акимъ во «Власти тьмы» выражаютъ собою тѣ спасающія народныя силы, которыя дороги Л. Н. Толстому и на которыя, по его мнѣнію, слѣдуетъ рассчитывать. И что же представляютъ собою эти типы, кромѣ воплощенія безконечнаго, позорнаго для человѣка, терпѣнія, внутренняго довольства рабскимъ положеніемъ и глубокаго невѣжества?

Многіе смотрѣли на «Власть тьмы», какъ на рѣзкій протестъ противъ невѣжества и темноты крестьянской массы. Это—ложное толкованіе. Своей превосходной въ художественномъ отношеніи деревенской трагедіей, великій поэтъ хотѣлъ сказать, что въ деревнѣ

свѣтъ и, что тьма идетъ изъ города, все болѣе и болѣе упрочивая свою власть въ деревнѣ и развращая чистые нравы скромнаго земледѣльческаго населенія. Капиталистическое производство и городская промышленность, породившія новыя потребности въ крестьянской средѣ, составляютъ главную причину всѣхъ жестокостей и потрясающихъ преступленій, которые легли въ основу этой драмы. Тьма—это городъ съ его грѣшной, языческой культурой. И трудящаяся, довольная и проникнутая христіанскимъ смиреніемъ деревня подпала подъ власть городской тьмы. Свѣтлымъ и самымъ положительнымъ типомъ въ этомъ произведеніи является ограниченный, невѣжественный, съ трудомъ выражающій свои примитивныя мысли, старикъ Акимъ. На него указываетъ Толстой, какъ на спасителя отъ всѣхъ бѣдствій современной цивилизаціи.

Словомъ, Толстой цѣнитъ въ народѣ рабскую покорность, тяжелый физическій трудъ, довольство малымъ и религіозное христіанское смиреніе. Проповѣдникъ непротивленія злу насиліемъ, конечно, глубоко ошибается, возлагая свои надежды на эти народныя черты, но это иной вопросъ, не касающійся нашей темы.

Перечисляя, далѣе, ужасы русскаго современнаго государства, пермскіе товарищи при-

ходить къ такому, совершенно неожиданному заключенію: «Итакъ, не тутъ ужасъ положенія. Есть противорѣчіе еще болѣе мучительное— это противорѣчіе между русскимъ обществомъ и его великимъ сыномъ Толстымъ». Странно, очень странно. Намъ кажется, что несравненно большее противорѣчіе существуетъ между всякимъ сознательнымъ борющимся русскимъ рабочимъ и царскимъ правительствомъ, чѣмъ между проповѣдникомъ пассивности и терпѣнія и русскимъ правительствомъ, которое требуетъ того же. Ученіе Л. Н. Толстого о непротивленіи злу насиліемъ не только не противорѣчитъ русскому государству, а есть, наоборотъ, не что иное, какъ возведенное въ вѣчный нравственный принципъ вѣковое рабство.
